

Сергеенкова В. В.,

кандидат исторических наук, доцент

ПРОБЛЕМА ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЬСКИХ КАДРОВ ДЛЯ НАЧАЛЬНЫХ ШКОЛ В ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (вторая половина 60-х — 70-е гг. XIX в.)

Проблема подготовки учителей для начальных школ впервые во всей своей значимости встала в годы пореформенного развития России в связи с быстрым распространением начального образования. Это соответственно выдвигало вопрос об учительских кадрах для народных школ. В конце 1865 г. еще при министре народного просвещения А. В. Головнине был составлен проект создания 15 учительских семинарий в пяти учебных округах. В качестве временной меры в марте 1866 г. и в январе 1866 г. были учреждены 11 педагогических курсов при уездных училищах в пяти учебных округах [54, стб. 149—152, 269—271].

События 1866 г., связанные с покушением Д. В. Каракозова на Александра II, привели к изменению позиции правительства по подготовке учителей. Об этом свидетельствуют отчеты министра народного просвещения за 1866—1867 гг., статьи «Журнала министерства народного просвещения». Так, «высочайше» утвержденная комиссия для рассмотрения отчета министра просвещения за 1866 г. отмечала, что учительские семинарии не принесут большой пользы и необходимо привлекать к начальному образованию духовенство [50, л. 25—29].

Министерство народного просвещения (МНП) полагало, что учреждение учительских семинарий может иметь самые губительные последствия, приведет к отстранению духовенства от народного образования и лишит школы религиозно-нравственного влияния. Следовательно, подготовку учителей необходимо всецело передать духовному ведомству, а МНП, а также земства, должны взять на себя только материальное обеспечение. Новый министр народного просвещения, занимавший одновременно пост обер-прокурора Св. Синода, Д. А. Толстой неоднократно отмечал нехватку учителей. По его мнению, учительские семинарии потребовали бы больших материальных затрат, а результат их был бы еще неизвестен. Главная цель начальной школы — «обучение чтению, письму и закону божью». Развитие излишней любознательности в крестьянине сделало бы его плохим земледельцем. Необходимо вести постоянную борьбу против «вольнодумства в делах веры», с одной стороны, а с другой — против излишнего расширения объема обучения. Это могли бы выполнить, по рассуждению МНП, священники и их помощники: причетники и дьяконы. Поэтому считалось, что в качестве учителей для начальных школ вполне возможно использовать выпускников духовных семинарий [11, с. 95—130; 12, с. 41—47; 13, с. 50—54; 29, с. 1—24; 58, с. 191]. С этой целью по распоряжению Синода в духовных семинариях было введено преподавание педагогики. Для педагогической практики семинаристов открывались воскресные классы, которых в 1867 г. насчитывалось 67 [21, с. 321; 47, с. 199].

Периодическая печать тех лет не оставалась равнодушной к вопросу о подготовке учителей для начальных школ. Газета «Весть» злобно относилась к развитию начального образования вообще и была бы рада затормозить этот процесс. Она опасалась распространения учителями революционных идей и протестовала против создания земствами учительских семинарий. С подготовкой учителей спешить не следует, так как «сословие сельских учителей, — писала «Весть», — есть оружие обоюдоострое и употребление его требует не малой осмотрительности. Вместо силы, цивилизующей народ, можно создать силу весьма опасную для общественного порядка» [5].

Более сдержанную позицию заняли «Московские ведомости». Они признавали наиважнейшей задачей подготовку хороших учителей. Газета неоднократно заявляла, что педагогическая работа удобнее всего соединяется с пастырской деятельностью, и это — единственное средство спасти умы от «лжеучений» [23, с. 177, 426]. Однако уже в 1868 г. «Московские ведомости» стали проповедовать необходимость подготовки учителей в учительских семинариях. Изменение своих взглядов на подготовку учителей они объясняли следующим образом: «Было время, когда

приходилось усиленно протестовать против всякой попытки заводить у нас учительские семинарии из справедливого опасения, чтобы народным обучением не овладел тот же бессмысленный нигилизм, который так пагубно действовал в других сферах образования и которого действия могли бы быть еще пагубнее в деле народного обучения. Время это миновало, воздух очистился, фальшь исчезла, и дело народного образования может быть двинуто с полною безопасностью» [24, с. 53—54]. Выступая уже за подготовку учителей в учительских семинариях, газета считала, что их воспитанники, предназначенные для работы в сельских начальных училищах, должны быть из «соответственной среды», т. е. из крестьян [24, с. 789—791]. По мнению газеты «Русский», учительская деятельность — «прямой долг и пастырская обязанность духовенства» [53]. Газета «Голос» постоянно ратовала за подготовку учителей в специальных педагогических учебных заведениях из среды крестьян, была противницей передачи начального образования духовенству и поддерживала начинание земств в создании учительских семинарий [6, 7].

Развитие начального образования в России показывало острую нехватку учителей, их слабую подготовленность к педагогической работе. Например, в Александровском уезде Екатеринославской губернии в 1868 г. из 47 материально обеспеченных начальных школ 21 не открылась из-за отсутствия учительских кадров [14, с. 37].

Образовательный уровень учителей был крайне низким. Так, в 1868 г. в Бессарабской области сельскими учителями являлись 125 причетников, 29 поселян, 20 отставных солдат, 19 уволенных семинаристов, 14 выходцев из дворян и чиновников и 5 священников. Исправить такое положение невозможно было только с помощью педагогических курсов, священников и выпускников духовных семинарий. Педагогические курсы при уездных училищах были малочисленны. Д. А. Толстой, осматривая их в 1869 г. во Владимире, Воронеже, Кишиневе, Курске, Новочеркасске, Одессе, Смоленске и Харькове, вынужден был признать, что они владели крайне жалкое существование. Учителя из священнослужителей, часто не получая за свой труд никакого вознаграждения и отвлекаясь исполнением своих «пастырских обязанностей», относились нерадиво к педагогической деятельности [48, с. 555; 61].

Для обеспечения начальных школ учителями за счет выпускников духовных семинарий Д. А. Толстой в апреле 1869 г. распорядился, чтобы впредь посвящать на места священников лишь тех из окончивших духовные семинарии, кто прослужил не менее трех лет в звании псаломщика, дьякона или учителя начальной школы. В начале 70-х гг. выпускникам духовных семинарий было запрещено занимать пост священника до достижения ими 30-летнего возраста [3, с. 56; 26, с. 143]. Все эти постановления не имели большого значения в плане привлечения воспитанников духовных семинарий к учительской деятельности. Учителя из выпускников духовных семинарий «не удовлетворяют требованиям, — сообщал в министерство попечитель Киевского учебного округа в 1871 г. — они остаются на должности обыкновенно очень недолго, только до получения священнического места. Являясь совсем неподготовленными к делу, они затрачивают непроизводительно много времени до тех пор, пока сколько-нибудь ознакомятся с делом, а приобрет сколько-нибудь умения, они вместе с тем оставляют службу» [49, д. 480, л. 5]. Однако и таких учителей, по признанию попечителя, было чрезвычайно мало.

В конце 60-х гг. наметилась тенденция к изменению отношения правительства к подготовке учителей. Одной из причин этого было развитие земской деятельности. Ряд земств возбудил ходатайства об открытии земских учительских семинарий. Две из них: Александровское училище в Рязани и Колмовская школа близ Новгорода были открыты в 1869 г. В своем докладе Александру II Д. А. Толстой писал, что «представление земствам готовить учителей для народа весьма нежелательно» и «следовало бы отклонять ходатайства земств об открытии новых учительских семинарий, а учреждать их исключительно на счет правительства. Так делается во всех европейских государствах, нигде не предоставляется сословиям образовывать будущих учителей народа, а государственная власть ревностно охраняет свои верховные права в этом отношении» [3, с. 56].

В 1869 г. Д. А. Толстой предложил учреждать вместо педагогических курсов при уездных училищах учительские семинарии. Это нашло поддержку у попечителей учебных округов, а также у комиссии, рассматривавшей отчет министра за 1869 г. В мае 1871 г. Государственный совет постановил вместо педагогических курсов учредить по одной учительской семинарии в С.-Петербургском, Московском, Казанском, Харьковском и Одесском учебных округах [41, № 49 656; 55, стб. 161—170]. В том же году министр просвещения обратился в Госсовет с предложением открыть еще новые семинарии. Он доказывал, что правильная организация народной школы немыслима без учителей «основательно и соответственно к тому подготовленных, а это может быть достигнуто только посредством учительских семинарий, не только правильно в педагогическом отношении устроенных, но и находящихся в полном заведывании училищного

начальства» [48, с. 557]. Мнение Д. А. Толстого встретило возражение в Госсовете со стороны Министерства финансов со ссылкой на затруднительное положение государственного казначейства. Однако Госсовет поддержал Д. А. Толстого, отметив, что польза учительских семинарий несомненна. 7 декабря 1871 г. Александр II утвердил постановление об учреждении еще пяти учительских семинарий [41, № 50 279].

Они продолжали открываться и в последующие годы. В 1873 г. было разрешено открыть дополнительно пять семинарий, а в 1875 г. — еще шесть. К

1876 г. их было 58, а в 1881 г. — 62 учительские семинарии и школы. Наибольшее увеличение учительских семинарий и школ приходилось на 1871—1875 гг., а затем темпы роста значительно сократились. В 1877—1881 гг. число учительских учебных заведений оставалось неизменным. К концу XIX в. насчитывалась 61 семинария, из них 58, или 95,1 % были открыты в конце 60-х — 70-е гг. Ведущая роль в создании учительских семинарий и школ принадлежала МНП. Число правительственных учительских семинарий за 1871—1881 гг. возросло в 3 раза. В процентном отношении от их общего числа правительственные семинарии составляли в 1871 г. 68 %, а в 1881 г. 82,2 %. Рост числа земских учительских школ и семинарий наблюдался лишь в начале 70-х гг., а после 1873 г. наметилась тенденция к их уменьшению. Это было следствием политики МНП. Частные учительские семинарии не играли сколько-нибудь существенной роли в подготовке учителей. Число их (2) с 1873 г. оставалось неизменным [10, с. 137—138; 17, с. 238—241; 19, с. 42—47; 20, № 12, с. 118—123; 33, с. 418—427].

Одновременно с открытием новых учительских семинарий росло и число воспитанников в них. В 1881 г. их было 4505. За 11 лет с 1871 г. число учащихся возросло в 3,3 раза. В 1881 г. окончили учительские семинарии и школы около 1000 человек. В основном (79,9 %) это были выпускники правительственных семинарий [10, с. 137—138; 17, с. 238—241; 19, с. 42—47; 20, № 12, с. 118—123; 33, с. 418—427]. Однако для многомиллионной России этого было недостаточно и не могло обеспечить начальные школы нужным количеством специально подготовленных учителей. Для обеспечения начальных училищ только земских губерний учителями за счет учительских семинарий нужно, чтобы их оканчивало, как минимум, в 70 раз больше человек.

На большинство учительских семинарий распространялись положения, в основу которых легло Положение о Молодечненской семинарии от 17 марта 1870 г., а для некоторых были изданы отдельные положения, отличавшиеся незначительными деталями [41, № 49 987; 42, № 50 438, 50 659, 50 771, 51 377; 43, № 52 144, 52 769; 44, № 53 285, 54 122, 54 145; 45, № 54 354, 54 566, 55 141, 55 283; 55, стб. 652—669, 1405—1431, 1847—1859, 2187—2195; 56, стб. 104—116, 689—691, 696—704. 812—825, 1134—1148, 1255—1264]. Согласно положениям, учительские семинарии представляли собой открытые учебные заведения, имевшие целью дать педагогическое образование молодым людям православного вероисповедания независимо от сословной принадлежности. Курс обучения в семинариях — три года. В них, кроме казенных стипендиатов, обязанных прослужить четыре года учителями начальных школ, могли обучаться стипендиаты земств, сельских обществ и частных лиц. Семинарии состояли в ведении попечителей учебных округов и под непосредственным управлением директоров, которые назначались попечителем и утверждались министром просвещения. Преподаватели назначались директорами и окончательно утверждались попечителями. В каждой семинарии имелся педагогический совет под председательством директора. Для педагогической практики воспитанников при семинариях создавались начальные школы. Воспитанники семинарий освобождались от рекрутской и других повинностей [9, с. 64—71, 40, № 48 147].

4 июля 1875 г. была утверждена общая инструкция для учительских семинарий МНП [9, с. 115—148]. В ней определялись обязанности директора,

преподавателей, педагогического совета, решались вопросы учебно-воспитательной части, объема, характера и методики преподавания учебных предметов. Отдельный раздел инструкции был посвящен обязанностям воспитанников и надзору за ними. Каждый преподаватель должен был наблюдать за определенной группой воспитанников, за их поведением, нравственностью, как во время пребывания в семинарии, так и вне нее. В инструкции отмечалось особо, что «так как развитие религиозно-нравственных качеств воспитанников, как будущих учителей начальных училищ, составляет существенную задачу учительских семинарий, то бдительный и постоянный надзор за воспитанниками должно считать одной из важнейших обязанностей каждого члена совета семинарии». Инструкция предусматривала воспитание в будущих учителях народных училищ верноподданнических чувств.

Представляет интерес и рассмотрение финансовых расходов на содержание учительских семинарий, размер которых в течение 70-х гг. постоянно возрастал. За 1873—1881 гг. расходы на них увеличились более, чем в 1,5 раза и в 1881 г. составили 1 123 216 руб. Этих средств было недостаточно, чтобы содержать необходимое для России число учительских семинарий. Основной частью ассигнований являлись средства МНП, составлявшие в 1871—1881 гг. от 64,7 % до 75,9 % от общей суммы затрат на учительские семинарии. В фонд семинарий ассигновывали средства сельские и городские общества, шли пожертвования частных лиц. Эти средства не носили постоянного и обязательного характера и каждый год могли меняться в своем размере. Земские расходы на учительские семинарии с конца 70-х гг. начали сокращаться и в 1881 г. уменьшились, по сравнению с 1877 г., на 65 848 руб., или 29,1 % [15, с. 12; 17, с. 238—242; 19, с. 42—47; 20, № 12, с. 118—123; 33, с. 418—427; 4, с. 236]. Это являлось прямым следствием политики, проводившейся МНП, приведшей к закрытию ряда земских учительских школ.

Под влиянием общественно-политического движения в стране, правительство стремилось усилить административно-полицейский контроль как за своими семинариями и их воспитанниками, так, особенно, и за земскими учительскими школами. Начиная с середины 70-х гг., правительство искусственно тормозило учреждение новых земских учительских школ, а уже действовавшие стремилось или подчинить себе, или вовсе закрыть. Так, в 1874—1875 гг. Новгородское и Московское губернские земства передали свои школы в ведение МНП. В Тверской губернии одна школа была закрыта, а другая подчинена МНП. В 1877 г. был заменен педагогический состав Александровской учительской семинарии в Рязани. Земские семинарии или непосредственно переходили в ведение МНП, или, формально оставаясь земскими, фактически теряли свою независимость, так как весь учебно-воспитательный персонал назначался и утверждался центральным учебным ведомством. Например, в 1877 г. министр просвещения предложил Черниговской учительской семинарии внести такие изменения в свой устав, что Черниговское земство не захотело содержать семинарию, и она была закрыта [45, № 54 802; 56, стб. 1081—1088; 28, с. 135; 34, с. 196—205].

Учительской школе Максимовича в Твери, основанной в 1871 г. и получавшей значительные денежные пособия от земства, в 1877 г. было сделано предупреждение. Со стороны учебного начальства к ней были предъявлены претензии, носившие, пожалуй, характер мелочных придирок. В результате

это привело Тверское земское собрание в декабре 1878 г. к принятию решения о прекращении ассигнований на семинарию. В марте 1878 г. в Вятском губернском земстве обсуждался вопрос о передаче учительской семинарии Министерству государственных имуществ, что и произошло позже. В конце 70-х гг. МНП потребовало от Костромского губернского земства устранить от всякого вмешательства в дела основанной им учительской школы, за исключением выдачи денег на ее содержание. Объяснялось это недостаточным надзором за воспитанницами, хотя ничего противного законам в их поведении найдено не было. Фактически к концу 1878 г. земских учительских семинарий, которые полностью управлялись бы земствами как учредителями, по подсчетам журнала «Отечественные записки», осталось не более трех. Земства имели ограниченные возможности в деле подготовки учителей и постоянно сталкивались с бюрократическим строем России [35, с. 216—233; 36, с. 102—109; 37, с. 288—292; 38, с. 227—224].

В конце 60-х — начале 70-х гг. царизм открыто не препятствовал «общественной инициативе» в деле подготовки учителей. Более того, он даже стремился создать видимость одобрения земского начинания в этом вопросе. Открыто подавить «общественную инициативу» самодержавие не могло, боясь вызвать волну общественного недовольства. Однако уже в начале 70-х гг. обнаружилось желание правительства полностью подчинить себе земские учительские школы. Законом от 28 декабря 1871 г. земствам было разрешено ходатайствовать о распространении служебных прав и преимуществ, кроме права на пенсию из государственного казначейства, на должностных лиц учительских семинарий и школ, но с условием, чтобы эти должностные лица утверждались учебным ведомством, а МНП было предоставлено наблюдение за учебной и воспитательной частью [41, № 50373; 55, стб. 625—644]. Так, самодержавие попыталось «мирно» подчинить своему контролю земские школы. Однако земская деятельность продолжала расширяться.

С усилением общественного движения в стране к середине 70-х гг. Д. А. Толстой встал на путь прямого вмешательства в дела земских школ. Царизм не решался в законодательном порядке запретить земствам открывать учительские семинарии, а стремился подчинить их, организовав кампанию подозрения, придирок, ограничений. Министр просвещения в отчете за 1877 г. открыто выразил желание распространить на земские семинарии правила, существовавшие для правительственных учительских семинарий. В результате создание правительственных учительских семинарий сопровождалось одновременным разгромом земских учительских школ и

семинарий. Демократические журналы и газеты сожалели о закрытии земских семинарий. Газеты же «Московские ведомости» и «Русский мир» вполне одобряли деятельность МНП [30, стб. 158—159; 31, стб. 239; 35, стб. 216; 36, с. 102—109; 38, с. 222—234; 25, с. 847—850; 27, с. 143—145, 207—210].

Важное место в политике МНП занимал вопрос о подборе учеников для учительских семинарий. В декабре 1872 г. Д. А. Толстой распорядился принимать в семинарии в основном детей крестьян, которые с этой целью и готовились бы при двухклассных министерских сельских училищах, получая стипендии от 3 до 5 руб. в месяц. Затем в ноябре 1875 г. при учительских семинариях были учреждены приготовительные классы для подготовки детей сельского сословия к поступлению в учительские семинарии. С этой

же целью в мае 1879 г. был принят закон, по которому воспитанники учительских семинарий и школ, принадлежавшие к податному сословию, исключались из оклада подушных сборов [45, № 55 248; 46, № 59 634; 56, стб. 1208—1221; 57, стб. 1086—1087].

Проводимая правительством политика в отношении социального состава воспитанников учительских семинарий давала свои результаты. Так, если в 1875 г. детей крестьян среди учащихся было 47 %, то в 1881 г. — 58 %. Увеличение детей сельского сословия среди воспитанников учительских семинарий наблюдалось как по России в целом, так и по отдельным учебным округам. Вместе с тем численность крестьянских детей среди них была различной в отдельных районах России. Так, в 1881 г. в наиболее промышленно развитых центральных областях она равнялась 39—40 %, а в других достигала 74—89 %.

В составе учащихся учительских семинарий во второй половине 70-х гг. наметилась тенденция к уменьшению детей дворян и чиновников. В целом по России в 1877 г. они составляли 11 %, а в 1881 г. — 9 %. Процент детей священнослужителей также сократился. Если в 1877 г. их было 20 %, то в 1881 г. — 14 %. Процент детей городских сословий среди воспитанников семинарий в целом по России почти не изменился. По отдельным же округам наблюдались некоторые колебания. По Московскому учебному округу процент их за 1876—1879 гг. возрос более чем в 2 раза [52, д. 63, л. 1, 9—10; д. 75, л. 1, 14—16; д. 76, л. 5—7; д. 720, л. 2, 10; 33, с. 100, 156—157, 210—215].

На социальный состав воспитанников определенное воздействие оказывало экономическое развитие страны. Но главные причины нужно искать в четко рассчитанной, сознательно избранной и обоснованной политике царизма. Особая комиссия под председательством принца П. Г. Ольденбургского по рассмотрению отчета министра народного просвещения за 1878 г., подчеркнула, что необходимо постоянно увеличивать число учащихся в учительских семинариях из крестьян. Достигнуть этого можно «при соблюдении условия, чтобы будущие учителя из крестьян, вступая на учительское поприще, оставались бы вблизи своей местности и оседлости». По поводу этого мнения Александр II в журнале Особой комиссии написал: «Да» [51, л. 29]. Все это находилось в прямой связи с сословной политикой царизма в области просвещения, направленной на создание замкнутой начальной школы для сельского сословия, а также с внутривластными событиями в стране. Возраставшее с 1871 г. число политических процессов показало, что в революционном движении выходцы из крестьян почти не участвовали. Попечитель Московского учебного округа сообщал министру просвещения в 1878 г.: «Воспитанники учительских семинарий из крестьян оказываются самыми лучшими учителями, наиболее нравственными и наиболее преданными своему делу». В конце 70-х гг. боязнь революционной пропаганды в начальных школах и среди народа заставила правительство вновь в Комитете министров поднять вопрос об издании закона о том, чтобы воспитанники учительских семинарий были выходцами из «соответственной» среды [2, с. 336—343; 52, д. 716, л. 8; 58, с. 191—194].

Правительственная политика в отношении социального состава воспитанников учительских семинарий касалась, прежде всего, семинарий МНП. Именно поэтому социальный состав воспитанников земских учительских школ был

несколько иным. Среди воспитанников земских школ значительно больше был процент детей дворян и чиновников, горожан, но меньше — детей крестьян [52, д. 63, л. 1, 9—10; д. 75, л. 1, 14—16, 21; д. 76, л. 6—7; д. 90, л. 1, 10—11, 21—23; д. 171, л. 1, 3; д. 193, л. 1, 3; д. 200, л. 2, 4; д. 208, л. 2, 4; д. 716, л. 1, 7].

Учителями начальных школ становились не только выпускники учительских семинарий. Свидетельство на звание учителя начальной школы выдавалось после успешной сдачи специального экзамена. Порядок экзамена был определен еще до создания учительских

семинарий постановлением Госсовета 22 апреля 1868 г. о специальных испытаниях по МНП, а в мае 1870 г. были утверждены их правила. Экзамены должны были проводиться в особых испытательных комитетах, при педагогических советах гимназий и прогимназий, при уездных училищах. В 1876 г. было разрешено производить специальные испытания и правительственным учительским семинариям [39, № 45752; 54, стб. 7612—7680; 56, стб. 1624—1625; 1, с. 45—49, 51].

Кадры учителей значительно пополнялись и за счет выпускников духовных семинарий, на воскресные классы которых МНП ежегодно отпускало пособия. Так, в 1877 г. на пособия воскресным классам при духовных семинариях было назначено 12 900 руб. [20, № 10, с. 141].

Учителями начальных школ могли становиться и выпускники высших или средних учебных заведений. По «Положению о женских гимназиях и прогимназиях МНП» от 24 мая 1870 г. звание учительницы народного училища получали окончившие гимназии и прогимназии или три низших класса гимназий, если в течение полугода они исполняли обязанности помощницы учителя или учительницы при начальном училище [40, № 48 406]. В феврале 1876 г. выпускники высших и средних учебных заведений были освобождены от специальных испытаний на звание учителя начальной школы. Они должны были только дать пробный урок [56, стб. 1414—1415]. Нередки были случаи, когда должности учителей занимали отставные унтер-офицеры. На них было обращено особое внимание в 1875 г. комиссией, рассматривавшей отчет министра просвещения за 1873 г. Весной 1875 г. было разрешено допускать отставных и бессрочноотпускных унтер-офицеров на должность учителя на общем основании [56, стб. 980—981].

Учителей для городских училищ готовили в учительских институтах по Положению 1872 г. Учительские институты представляли собой закрытые учебные заведения, находившиеся в ведении попечителей учебных округов и под непосредственным управлением особых директоров. Для практики воспитанников при каждом институте имелось одноклассное или двухклассное городское училище. Институты и городские училища при них содержались на казенный счет. Курс обучения в институтах состоял из трех классов по одному году в каждом. Число воспитанников, как норма, определялось в 75 человек, из них 60 находились на полном содержании МНП. Директор и преподаватели института назначались из числа выпускников вузов. Директор утверждался министром народного просвещения, а учителя — попечителем округа. Директор, а также преподаватели, должны были осуществлять строгий контроль над поведением воспитанников. Педагогический совет института рассматривал поведение воспитанников, вопросы организации учебного процесса. В институты принимались молодые люди «хорошей нравственности» с 16 лет после предварительного испытания. Выпускники гимназий, ду-

ховных семинарий принимались без экзамена. Воспитанники институтов освобождались от всех лежавших на них повинностей, в том числе и от рекрутской. Каждый из стипендиатов МНП должен был прослужить учителем шесть лет, в противном же случае ему необходимо было возместить убытки по своему содержанию из расчета 150 руб. в год [42, № 50 909; 55, стб. 1174—1304].

В учительских институтах изучали закон божий, русский язык, церковно-славянское чтение, арифметику и начальную алгебру, геометрию, историю России и всеобщую историю, географию, естественную историю и физику, черчение и рисование, чистописание, пение и гимнастику. Предполагалось открыть 7 учительских институтов с дополнительными курсами для учителей уездных училищ. Содержание каждого института должно было составлять в год 26 400 руб. В 1872 г. учительские институты открылись в Москве и С.-Петербурге. В 1860 г. было 8 таких институтов с 443 учащимися. [17, с. 238—245; 33, с. 410—415].

Среди воспитанников учительских институтов Московского и Харьковского учебных округов был довольно значительным процент выходцев из дворян и чиновников, хотя к 1879 г. он сократился. В С.-Петербургском учительском институте он был ниже. Большую часть воспитанников в Московском институте составляли дети духовенства (от 34,4 % до 38,5 % в 1876—1879 гг.). В Белгородском институте Харьковского учебного округа процент детей священнослужителей в 1879 г., по сравнению с 1876 г., резко упал, уменьшившись в 2,4 раза. Меньше всего выходцев из духовенства было в С.-Петербургском учительском институте. Процент детей городских сословий был не очень высоким в Московском и Белгородском институтах. Правда, в последнем он увеличился в 1879 г., по сравнению с 1876 г., более чем в 4 раза. В С.-Петербургском институте процент детей городских сословий составлял в 1878—1879 гг. 39,3 — 46,8 %. Удельный вес выходцев из сельского сословия, кроме С.-Петербургского округа, не был большим [52, д. 74, л. 2; д. 89, л. 1; д. 171, л. 1, 3; д. 193, л. 1, 3; д. 200, л. 2, 4; д. 208, л. 2, 4; д. 230, л. 1, 11; д. 244, л. 1, 11; д. 250, л. 1, 13]. Если в отношении подбора воспитанников учительских семинарий МНП проводило четко определенную политику, состоявшую в подготовке учителей для начальных школ, которые в основном были сельскими, из лиц крестьянского происхождения, то этого нельзя сказать об учительских институтах. Казалось бы, в соответствии с общей политикой правительства относительно народного образования, направленной на создание определенных типов школ для

различных слоев населения, следовало бы ждать соответствующих мероприятий и относительно будущих учителей городских школ. Однако в МНП этот вопрос не поднимался. Это, возможно, связано с тем, что городские училища по Положению 1872 г. были значительно лучше материально обеспечены, учителя получали в них регулярное и более высокое жалование, чем в сельских школах. Кроме того, таких училищ планировалось немного (402), все они должны были находиться в городах, где за деятельностью учителей можно было наладить более четкий и постоянный контроль. Каких-либо законодательных мер относительно социального состава воспитанников институтов не предпринималось.

Одним из способов повышения квалификации учителей являлись временные педагогические курсы и съезды учителей. Первоначально они организовывались по инициативе земств. В отношении этого начинания МНП

проводило ту же линию, что и к земским учительским школам. В ноябре 1870 г. циркуляром министра внутренних дел было разъяснено, что съезды учителей народных училищ, созываемые земством, допустимы не иначе, как с ведома ближайшего училищного начальства и с разрешения министра народного просвещения по согласованию с губернатором и попечителем учебного округа. Заседания съездов должны были проходить под непосредственным наблюдением инспектора начальных народных училищ [59, с. 1471].

В августе 1875 г. Д. А. Толстой утвердил «Правила о временных педагогических курсах для учителей и учительниц начальных народных училищ». Педагогические курсы имели целью знакомить учителей с лучшими способами обучения и т. п. Они создавались с разрешения попечителя учебного округа при учительских семинариях, городских и двухклассных сельских училищах. Заявление об их проведении должно было исходить от уездных училищных советов, земств или частных лиц с обязательством взять на себя необходимые на это расходы. Эти заявления рассматривались инспектором, затем директором народных училищ и, в случае одобрения последним, представлялись на утверждение попечителя учебного округа. Наблюдение за работой педагогических курсов возлагалось на директоров учительских семинарий, директоров и инспекторов народных училищ или других лиц учебного ведомства по усмотрению попечителя округа. Таким образом, съезды и курсы были отданы в руки чиновников МНП [9, с. 172—173].

Новые правила, как писала «Неделя», усилившие правительственную инспекцию и уменьшившие местную инициативу, «не могут не вызвать к ним апатии» [32, стб. 1157—1160]. Опасения газеты были вполне обоснованными. С усилением административно-полицейского надзора и контроля число съездов и курсов с середины 70-х гг. XIX в. стало уменьшаться. Если в 1872 г. учительские курсы действовали в 47 местностях, в 1873 г. — в 63, то в 1877 г. их было 20, а за трехлетие 1879—1881 гг. — 40 [16, с. 69; 17, с. 102; 20, № 10, с. 140; 33, с. 170].

В конце 60-х гг. существовали педагогические отделения при гимназиях, как казенные, так и земские. После закрытия правительственных педагогических курсов при уездных училищах, некоторое время еще существовали земские педагогические курсы. В 1871 г. их насчитывалось 9, в 1874 г. — 2, с 1875 г. они прекратили свое существование [16, с. 190—195; 18, с. 30—31; 19, с. 46—47; 22, с. 73].

Несмотря на предпринимавшиеся правительством меры по подготовке учителей для начальных школ, их образовательный уровень был низким. Из 14 421 учителя народных училищ выбыли из различных учебных заведений до окончания курса 2256, или более чем 1/6 часть. От общего числа учителей, не окончивших учебные заведения, более половины составляли воспитанники духовных семинарий (67,1 %). Немалый процент недоучившихся давали гимназии и прогимназии (17,7 %). Если принять за более или менее соответствующее учительской должности образование, полученное по окончании духовных и учительских семинарий, гимназий и прогимназий, то таких учителей было 8225, или около 56 %. Но и этот уровень подготовки вряд ли можно считать достаточным. В учительские семинарии поступали лица, едва умевшие читать. В семинариях они изучали лишь те предметы, которые обязательны для начальных школ, и в объеме, не очень отличавшемся от препо-

дававшегося в начальных школах. Образование, полученное в учительских семинариях, нельзя приравнять даже к среднему. Духовные семинарии больше готовили к «пастырской» деятельности, чем к учительской. В конечном итоге среднее образование имели лишь учителя, окончившие гимназии и прогимназии, а их было около 10,5 %.

Можно ли считать общее число учителей к 1860 г. вполне достаточным для начального образования в земских губерниях? К 1860 г. в среднем по земским губерниям из 100 детей

школьного возраста училось только 14 мальчиков, а девочек — 3—4 [60, с. 2—39]. Если приблизительно считать, что в каждом уезде требовалось, как минимум 200 школ, то на каждую губернию необходимо было иметь до 2000 учителей, а для всех земских губерний — не менее 70 000 учителей [8, с. 18]. МНП не хотело возлагать на себя обязанность обеспечения начальных училищ учителями, ставя при этом всевозможные преграды местной инициативе.

В апреле и мае 1877 г. Комитет министров обсуждал вопрос относительно дальнейшего направления деятельности МНП по подготовке учителей для начальных школ. Было высказано мнение, что следует остановить дальнейшее открытие учительских семинарий и возложить дело народного образования на духовенство. Однако Д. А. Толстой выступил в защиту учительских семинарий, заявив, что учителя, окончившие их, не были замечены в «политической или нравственной неблагонадежности». Одновременно он отметил, что МНП делает все возможное и для привлечения духовенства к народному образованию [49, д. 1048, л. 1—19].

Секретным циркуляром попечителям учебных округов в апреле 1877 г. Д. А. Толстой предписал немедленно исключать из семинарий воспитанников, заподозренных в сочувствии противоправительственным идеям, и сообщать об этом в МНП. Другим циркуляром в мае того же года министр требовал обратить внимание на прием в учительские семинарии. Он рекомендовал не ограничиваться при приеме только официальным свидетельством о благонадежности, но и обращать внимание на рекомендации инспекторов народных училищ, членов училищных советов. Толстой подчеркивал, что это особенно касается лиц, «поступающих не из крестьянского сословия» [49, д. 1048, л. 26, 28—29].

Вовлечение учителей в революционное движение заставляло правительство неоднократно обращаться к вопросу об учителях и их подготовке. Это явилось предметом специального обсуждения на заседании Комитета министров в 1879 г. Шеф жандармов А. Р. Дрентельн и министр финансов А. С. Грейг высказались против учительских семинарий. Они заявили, что нужно полностью передать народное образование духовенству. Их поддержал и П. А. Валуев. Вновь, как и после событий 1866 г., встал вопрос о борьбе с революционным движением, верное противоядие которому усматривалось в религии и духовенстве. Однако правительство осознавало невозможность обуздания революционной борьбы только репрессивными мерами. Д. А. Толстому, выступившему с защитой учительских семинарий, нельзя было отказать в чувстве здравого смысла, когда он заявил, что уничтожение целой категории учебных заведений (учительских семинарий) произвело бы тяжелое впечатление на общество и вызвало бы соответствующую реакцию с его стороны. Разногласия в Комитете министров не привели к выработке какого-

либо определенного решения. Было только отмечено, что в будущем необходимо законодательно предусмотреть прием в учительские семинарии только лиц сельского сословия [58, с. 191—194].

Подготовка учителей начальных народных училищ проводилась в различных учебных заведениях. Так, к марту 1880 г. из общего числа учителей начальных школ в земских губерниях получили образование: в духовных православных семинариях — 40,4 %, в учительских семинариях и школах — 19,3 %, в гимназиях и прогимназиях МНП — 11,5 %, в уездных, городских и образцовых министерских училищах — 11,2 %, в других учебных заведениях — 9,8 %, получили домашнее образование — 6,9 %. Почти половину наставников начальных училищ поставляли духовные семинарии, а учительские семинарии — лишь около 1/5 части.

Таким образом, политика правительства по подготовке учителей для начальных школ находилась в прямой зависимости от внутреннего развития России в 60—70-х гг. Правительство вынуждено было обратить самое пристальное внимание на проблему учительских кадров под влиянием социально-экономических и политических факторов, а также местной инициативы в этой области. МНП стремилось возглавить деятельность по подготовке учителей. Для политики МНП в 60—70-х гг. характерна попытка создать определенную систему подготовки учителей. Именно тогда впервые в истории российского просвещения были созданы специальные учительские семинарии, привлечены к начальному обучению женщины-учительницы. Однако единая и стройная система подготовки учителей в этот период не сложилась.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананин П.* Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях. Спб., 1890. Ч. 1.
2. *Антонов В. С.* К вопросу о социальном составе и численности революционеров 70-х годов // Общественное движение в пореформенной России. М., 1965.
3. *Арсеньев А. М.* Против идеализации учительских семинарий // Советская педагогика. 1947. № 12.
4. *Блюх И. С.* Финансы России XIX столетия. Спб., 1882. Т. 4.
5. Весть. 1869. 21 февр.
6. Голос. 1868. 10, 12, 24 дек.

7. Голос. 1869. 8 июля, 12 дек.
8. Гражданин. 1872. Ч. 1.
9. *Грушевский С. Ф.* Сборник законоположений и правительственных распоряжений, относящихся до низших и начальных училищ, а также до учреждений и лиц, имеющих связь с названными училищами, с приложением правил и программ испытания на звание учителей городских, уездных и начальных училищ и на получение свидетельства в знании курса начальных народных училищ. Ставрополь, 1876. Ч. 2.
10. Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1873. Ч. 166. № 4.
11. *Иванов А.* Нужны ли в России в настоящее время учительские семинарии? // ЖМНП. 1869. Ч. 143. № 6.
12. Извлечение из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1866 г. (Извлечение из отчета министра за ... г.) // ЖМНП. 1868. Ч. 135. № 1.
13. Извлечение из отчета министра за 1867 г. // ЖМНП. 1869. Ч. 142. № 3.
14. Извлечение из отчета министра за 1868 г. // ЖМНП. 1870. Ч. 147. № 1.
15. Извлечение из отчета министра за 1871 г. // ЖМНП. 1873. Ч. 166. № 3.
16. Извлечение из отчета министра за 1872 г. Спб., 1874.
17. Извлечение из отчета министра за 1873 г. Спб., 1875.

18. Извлечение из отчета министра просвещения за 1874 г. // ЖМНП. 1876. Ч. 188. № 11.
19. Извлечение из отчета министра за 1875 г. // ЖМНП. 1877. Ч. 194. № 11.
20. Извлечение из отчета министра за 1877 г. // ЖМНП. 1879. Ч. 205. № 10; Ч. 206. № 12.
21. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1867 г. // Православное обозрение. 1869. № 2.
22. Историко-статистический очерк общего и специального образования в России / Под ред. А. Г. Неболсина. Спб., 1884.
23. *Катков М. Н.* Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1866 год. М., 1897.
24. *Катков М. Н.* Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1868 год. М., 1897.
25. *Катков М. Н.* Собрание передовых статей Московский ведомостей. 1873 год. М., 1897.
26. *Катков М. Н.* Собрание передовых статей Московский ведомостей. 1874 год. М., 1897.
27. *Катков М. Н.* Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1876 год. М., 1897.
28. *Лобанов Д.* Свод сведений о деятельности губернских земств по народному образованию // Русская школа. 1895. № 3.
29. Меры и предположения относительно гимназий и начального народного образования // ЖМНП. 1867. Ч. 129. № 1. Современная летопись.
30. Неделя. 1875. 2 февр.
31. Неделя. 1875. 16 февр.
32. Неделя. 1875. 7 сент.
33. Обзор деятельности Министерства народного просвещения за 1879—1881 гг. Спб., 1887.
34. Отечественные записки. 1878. № 2. Современное обозрение.
35. Отечественные записки. 1878. № 12. Современное обозрение.
36. Отечественные записки. 1879. № 1. Современное обозрение.
37. Отечественные записки. 1879. № 2. Современное обозрение.
38. Отечественные записки. 1879. № 12. Современное обозрение.
39. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). 2 собрание. Т. 43.
40. ПСЗ. 2 собрание. Т. 45.
41. ПСЗ. 2 собрание. Т. 46.
42. ПСЗ. 2 собрание. Т. 47.
43. ПСЗ. 2 собрание. Т. 48.
44. ПСЗ. 2 собрание. Т. 49.
45. ПСЗ. 2 собрание. Т. 50.
46. ПСЗ. 2 собрание. Т. 54.
47. Православное обозрение. 1866. № 4. Разные заметки.
48. *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. (1802—1902). Спб., 1902.
49. Российский государственный исторический архив в г. С.-Петербурге (РГИА). Ф. 733. Оп. 170. Д. 480, 1048.
50. РГИА. Ф. 733. Оп. 193. Д. 334.
51. РГИА. Ф. 733. Оп. 194. Д. 6.
52. РГИА. Ф. 733. Оп. 202. Д. 63, 74, 75, 76, 89, 90, 171, 193, 200, 208, 230, 244, 250, 716, 720.
53. Русский. 1868. 11 сент.
54. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения (СП по МНП). Спб., 1871. Т. 4.
55. СП по МНП. Спб., 1877. Т. 5.
56. СП по МНП. Спб., 1878. Т. 6.
57. СП по МНП. Спб., 1883. Т. 7.
58. *Середонин С. М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров (1802—1902). Спб., 1902. Т. 3. Ч. 2.
59. *Фальборк Г., Чарнолуский В.* Настольная книга по народному образованию. Спб., 1901. Т. 2.
60. Статистический временник Российской империи. Серия 3, вып. 1. Спб., 1884.
61. Циркуляр по управлению С.-Петербургским учебным округом. 1868. № 7. С. 22, 28—51, 56—66; № 21. С. 31—32, 39—54, 57—78, 80—90; 1869. № 4. С. 30—31, 36—49, 51—68, 70—84; № 17. С. 35—45, 48—49, 51—57, 59—63, 65—78, 81—86.